

ТРАДИЦИИ «САМОСТИЙНОСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Статья посвящена особенностям политической жизни современного российского казачества и такой ее далеко неоднозначной и противоречивой черте, как «самостийность». Традиции «самостийности», предполагавшие государственно-политическое и этнотерриториальное самоопределение казаков или их культурно-национальную автономию, приобретали особость и своеобразие проявления в политической жизни современного казачества. Актуализация идей «самостийности» была связана с особенностями социокультурного, политического и экономического пространства российской государственности конца XX в., предопределившего специфику возрождения казачества.

Ключевые слова: казачество, политическая жизнь, возрождение казачества, современное российское казачество, «самостийность».

Российское государство, пройдя пик модернизационных перемен конца XX в., вступило в период, характеризующийся стремлением к социальной и политической стабильности, устойчивости, прогнозируемости. В то же время у власти все явственней стало оформляться понимание того, что динамика цивилизационных процессов в стране напрямую связана с особенностями традиций политической жизни как ее отдельных «транспериферийных» регионов, так и всей многослойной целостностью государства. В этой связи вопрос характеристики отдельных черт политической жизни современного российского казачества приобретает большую актуальность в связи с тем, что казачество имеет своих представителей в различных социальных, профессиональных, региональных, этнических группах, а процесс его возрождения активно поддерживается государством. Достаточно отметить, что за последние 20 лет только органами федеральной власти (Президентом, Правительством, Государственной Думой РФ) издано более 200 нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты возрождения казачества.

Вопросы политической жизни и политических традиций казачества всегда интересовали историков и правоведов. Однако сколько-нибудь серьезных самостоятельных исследований в дореволюционной историографии на эти темы не было. Определенный интерес представляют работы дореволюционных историков Ф. А. Щербины, В. А. Потто и др., посвященные истокам казачьей вольности и «незалежности» и динамике трансформации политической жизни [1]. Особое место в осмыслении этих проблем занимают труды представителей казачьей эмиграции И. Ф. Быкадорова, А. А. Гордеева, С. Г. Сватикова [2]. Свой вклад в историографию внесли советские историки А. П. Ермолин, А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, А. И. Агафонов и другие [3]. Из современных историков-исследователей необходимо упомянуть В. П. Скорика, В. П. Трута, С. А. Кислицына, А. В. Венкова, Я. А. Перехова,

Р. Г. Тикиджьяна и др., в той или иной степени затрагивающих проблему казачьей «самостийности», сепаратизма и автономизма [4]. Однако большинство работ этих авторов посвящено в основном истории дореволюционного казачества, участию казачества в революциях и войнах или истории казачества первой трети XX в.

Данная статья посвящена современному российскому казачеству. Ее целью является рассмотрение такого явления политической жизни казачества, как «самостийность».

Источниковую базу работы составили аналитические доклады РНИСиНП, фонды Государственного архива Краснодарского края, посвященные возрождению казачества, документы Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, а также личные наблюдения автора.

Для понимания истоков и особенностей формирования политических традиций казачества вообще и такой их составляющей, как «самостийность», в частности необходимо обратиться к истории политической жизни казачества.

Основные черты общеказачьей политической культуры складывались на основе синтеза традиционных культур русского, украинского, некоторой части кавказских и тюркских народов, а также исторически сложившихся казачьих войск. Как считают некоторые исследователи, именно эпоха Запорожской Сечи с универсальной формой власти, характерной для многих обществ, находящихся на стадии военной демократии, и позволяющей ее охарактеризовать в качестве «своеобразной военной казачьей республики» [5, с. 81], заложила идеи казачьей автономии и «самостийности», ярко проявившиеся по краям XX в., а также бунтарство, вольность и «незалежность» казачьего характера.

Интенсивное становление политического самосознания казачества протекало в XIX в., когда складывались и оформлялись принципиально новые, по сравнению с предшествующими веками, отношения казачества и государства, что и пред-

определило не только общекультурные, но и конкретные общественно-политические характеристики жизни казаков. Как считают авторы работы «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа», государство в России во все века выступало в качестве «вседовлеющего» начала, «жесткой силы, способной структурировать и организовать географическое и социальное пространства» [6, с. 125], в результате чего сложилась такая ситуация, когда «индивид и общество выступали не как полноправные акторы, а как пассивные субъекты политического процесса» [6, с. 125]. Однако, с точки зрения К. С. Гаджиева, при оценке государственной системы и соответствующей ей политической культуры нельзя забывать об «особенностях исторического, этнонационального, конфессионального, социально-психологического и социокультурного характера различных регионов...» [7, с. 131]. До революционных событий начала XX в. в казачьих регионах сохранялся уникальный институт самоуправления на «низовом» уровне в виде станичных и хуторских кругов. И хотя казачьи войска, вне всякого сомнения, были органической частью социально-политической структуры Российской империи, их военно-сословный статус и особенности отношений с верховной властью (с 1827 г. Верховным Войсковым Атаманом всех казачьих войск России становится наследник престола) наложили свой отпечаток на формирование черт особенностей мышления и политического поведения. Начавшийся в конце XIX в. «процесс внутрисословного расказачивания» (С. А. Кислицын), закономерный «в условиях пореформенной России, развивающейся по капиталистическому пути» [8, с. 17], проявился в том, что казачество стало «превращаться» в часть государственного механизма, утрачивая особенности своего политического лица. Процесс «расказачивания», с точки зрения трансформации казачества в социально-политический феномен российской исторической системы, к началу XX в. завершился. Кризис в политической жизни казачества стал частью общегосударственного модернизационного кризиса, приведшего страну к необходимости радикального изменения политических и социально-экономических отношений.

Активизация политической жизни российского общества после февраля 1917 г. проявлялась не только в создании множества новых партий и общественных движений, но и в пробуждении национального самосознания народов бывшей Российской империи, что привело к нарастанию центробежных тенденций в государстве.

В ходе продолжавшейся «демократизации» общества активизировалась деятельность и казачьего населения. В марте–апреле 1917 г. в Петрограде

прошел Всероссийский казачий съезд, образовавший Совет Союза казачьих войск России, а 2 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялось первое заседание Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Параллельно создавались и буржуазно-демократические органы власти. Сформированный по распоряжению комиссаров Государственной думы на Кубани Гражданский исполнительный комитет заявил, что берет власть в свои руки. Его поддержали меньшевики и эсеры. Но в апреле казачья часть депутатов областного съезда, проходившего в Екатеринодаре, объявила себя Кубанской войсковой Радой, тем самым заявив о своем стремлении к «самостийности» и желании создать либо автономное в составе России, либо суверенное «незалежное» государственное образование. Председателем Рады стал Н. Рябовол, «крупный капиталист – самостийник, в начале века активно сотрудничавший с Петлюрой. Рябовол уже тогда мечтал... о булаве гетмана “Вольной Кубани”», – пишет А. Берлизов [9, с. 366]. Попытка возвращения института выборных войсковых атаманов и ориентация на союз с одним из ярких представителей сепаратизма на Украине С. Петлюрой могут свидетельствовать о том, что определенная часть кубанского казачества была приверженцем идеи суверенизации Кубани. Схожие процессы проходили и на Дону. На Первом Войсковом Круге всего Великого Войска Донского, проходившем 18 июля 1917 г. в г. Новочеркасске, «по праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенного волею царя Петра Первого в лето 1709-е и ныне восстановленного» был «вольными голосами» Войскового круга избран Войсковой атаман [10, с. 145]. Документы того времени могут свидетельствовать о том, что политические события 1917 г. некоторой частью казаков воспринимались сквозь призму восстановления исторической справедливости и возможности возрождения политической «самостийности» казачества.

В августе–сентябре 1917 г., потерпев поражение в ходе корниловского выступления, часть генералитета перебралась на Юг России, пытаясь вместе с казачьей верхушкой установить свою власть на местах. Кубанская Рада совместно с Донским и Терским Войсковыми кругами стремятся создать «Юго-Восточный Союз казачьих войск, горских народов Кавказа и вольных степных народов», который бы со временем смог оформиться в самостоятельное государственное образование. В середине 1919 г. «кубанская казачья контрреволюция эволюционировала от федерализма к сепаратизму... выразившемуся в неудачной попытке Кубани вступить в Лигу наций» [11, с. 125]. Таким образом, в период с февраля по ноябрь 1917 г. в казачьих регионах были предприняты попытки реформирова-

ния органов самоуправления казачества и административно-территориального управления.

Октябрьская революция была воспринята казаками не однозначно. В. Г. Науменко в своих воспоминаниях писал о том, что в ноябре 1917 г. определено выяснилось деление казачества на две части, подразумевая раскол казаков на «красных» и «белых» [12, л. 2–5]. Еще больше осложняло ситуацию в казачьих регионах размежевание населения на приверженцев идее широкой автономии и «незалежности» и тех, кто считал, что казачество не должно отделяться от России.

На положение казачества в Южно-Российском регионе в годы Гражданской войны очень часто в равной степени оказывали влияние позиции и советской власти, и представителей белого движения. Среди лидеров белого движения не было единого мнения по поводу дальнейшей формы государственной власти в казачьих регионах и во всей России. Если А. И. Деникин считал необходимым «собрание» земель бывшей Российской империи под «унитаристским контролем и управлением Добровольческой армии» [9, с. 126], то П. Краснов видел будущее России как множество федеративных «самостийных» союзов. Одним из них должен был стать Юго-Восточный или Доно-Кавказский союз, в который на правах самоуправляющихся автономий должны были войти области Донского, Астраханского, Кубанского казачьих войск и Союз горцев Северного Кавказа [9, с. 126–127].

5 января 1920 г. в Екатеринодаре собрался Верховный казачий круг, задачей которого была выработка конституции союзного казачьего государства. События в «белом» государстве усугублялись назревавшим конфликтом между законодательной и исполнительной ветвями власти, что привело к «возникновению кризиса идентификации режима, затрагивающего его системообразующие элементы, характер самоуправления» [13, с. 49]. Традиции сословного самоуправления во многом были размыты революциями и Гражданской войной, что отразилось на политическом поведении низов казачьей общины.

В декретах Советской власти 1918 г. официально не упоминались названия Советских республик, образованных на Северном Кавказе, – Кубанской, Кубано-Черноморской, Северо-Кавказской, а использовались старые названия – Донская и Кубанская области. Видимо, в этом прослеживается стремление Советского правительства не подогревать «суверенные» настроения в сложных условиях Гражданской войны, когда многие казачьи регионы уже заявили о своей «незалежности».

После окончания Гражданской войны основными вопросами, решаемыми между государством и казачеством, были вопросы о земле. Первые аграр-

ные мероприятия осуществлялись на основе решений I Всероссийского съезда трудового казачества. 18 ноября 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР издают декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», в основе которого лежали положения, разработанные съездом. Декрет законодательно гарантировал оставление за казачеством его наделных земель [14, с. 483]. В начале 1921 г. был ликвидирован казачий отдел ВЦИК. По мнению В. Е. Щетнёва, «этими актами Советское государство “снимало” казачий вопрос с повестки дня. Казачьи проблемы становились органической частью аграрно-крестьянских» [15, с. 158].

В годы Второй мировой войны руководство фашистской Германии, пытаясь привлечь на свою сторону население казачьих регионов, предлагало свои планы по «возрождению казачества». Органы местной власти, создаваемые немцами на оккупированных территориях Дона, Кубани, Кавказа, получали название управ, а их руководители – атаманы. В составе Вермахта были сформированы казачьи части и целые воинские соединения. Широко пропагандировалось сотрудничество казачества, «никогда не признававшего власть большевиков», с немецкими войсками. В этом оказывала помощь часть казачьей эмиграции, которая подчеркивала, что казаки – не русские, а самостоятельный народ: «Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала. Теперь настал час, когда мы, казаки, можем создать свою независимую от Москвы жизнь» [10, с. 86]. При отступлении с Северного Кавказа немецких войск В. Кейтель и А. Розенберг подписали специальный приказ от 10 ноября 1943 г., в котором за казачеством закреплялись их прежние «права и преимущества служебные», включая неприкосновенность земельных угодий [16, с. 23]. Приведенные выше факты говорят о том, что немецкое командование, делая шаги по «возрождению» казачества, прежде всего в качестве сословия, тем самым пыталось использовать его лишь как военную и политическую силу. Никакого культурно-исторического возрождения самобытной жизни казачества немецкие власти не планировали.

Со второй половины 1950-х гг. с ориентацией советского и партийного руководства на воспитание нового советского человека начинают стираться и этнокультурные особенности казачества. Процессу «растворения казачества» (С. А. Кислицын) способствовали также «массовые миграции населения и отсутствие государственной политики в отношении казачества. Партийно-государственная... элита рассматривала казачество как музейно-этнографическую архаичную особенность региона, не имеющую социально-политического значения» [8, с. 17–18].

Период возрождения политической жизни казачества начинается со второй половины 1980-х гг. и связан с вхождением российской исторической системы в точку бифуркационного состояния, характеризующуюся инверсией векторов социокультурной ориентации и вызванную модернизационными процессами в стране.

В своей статье «Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа» Л. Хоперская и В. Харченко предлагают рассматривать три основные тенденции в развитии отношений движения за возрождение казачества и государства. Первую они называют «единицей неделимости» (от лозунга «Россия единая и неделимая»). По мнению авторов статьи, представители данной тенденции не поддерживают идеи создания каких бы то ни было казачьих республик, выступают за формирование казачьих войск, обеспечивающих сохранение территориальной целостности страны. Вторая тенденция – «автономизм». Результатом ее проявления должно стать создание казачьего государственного образования в составе России. И третья тенденция – «казакство», цель которого – создание самостоятельных казачьих республик вне состава России [17, с. 100].

Проблема «автономизма» и «самостийности» не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Некоторые исследователи (В. Б. Виноградов) склонны ее связывать с неким ««этническим эгоизмом», порождавшим сепаратистские тенденции» [18, с. 7–8], другие (В. Зотов) считают ее производным от специфичности казачьего уклада жизни, когда «стереотип поведения» определялся исторически сложившимися условиями «известной автономии» в рамках «строго централизованной системы государственного управления» [19, с. 69], третьи (С. М. Маркедонов) указывают на «казачий национализм», берущий свое начало от «вольных казачьих республик», существовавших на территории Северного Причерноморья еще в XVI веке [20, с. 63].

А. В. Венков пишет: «Огромные локальные миры в образе казачьих войск (в территориальном и административном понимании)», подпитываемые «своеобразным “казакоманием” и почвенническими настроениями... вносили определенный вклад в раскол единого государства» [21, с. 88] еще в 1917 г. Однако стремление к автономии не означало для казаков противопоставление себя государственной власти. Именно слабость общероссийской государственной власти и неспособность ее навести порядок в стране заставляли казаков «крепить власть областную, придавая ей функции власти государственной» [21, с. 89]. Утверждая свою автономию, казаки шли конституционным путем. Верхи казачества были едины во мнении,

что «в дни государственного развала и распада казачество оказало организованное сопротивление анархии» [21, с. 89].

По данным, представленным в «Аналитических докладах РНИСиНП», схожая ситуация наблюдалась и в 1990-х гг. Авторы «Докладов» отмечают, что «утраченные федеральным центром функции “заботливого государства” охотно принимают на себя региональные администрации, значительно более близкие к людям и их нуждам. Традиционная модель смыслополагающей государственности не рухнула вместе с советской системой, она лишь “ушла вниз” и там укореняется. Процесс этот сопровождается значительным ростом местного патриотизма и возрождением локальных традиций как культурных, так, в некоторых случаях, и политических...» [22, с. 92–93].

Однако уже первые годы становления и развития движения за возрождение казачества характеризуются наличием тенденций к проявлению черт местничества и изоляционизма в политической жизни казачества. Эти тенденции во многом инициировались и самой центральной властью, вернее, частью ее, заинтересованной в возрастании центробежных сил в советском обществе. По мнению И. Г. Яковенко, «казачество и население Юга в целом привычно выступили на стороне сил, противостоящих центру и обещавших сохранить традиционную автономию. В новой политической рамке развернулась борьба интегрального центра и вольнолюбивого Юга» [23, с. 267]. Не последнюю роль в этом процессе сыграли законодательные акты и постановления государственной и партийной власти: постановления Политбюро ЦК КПСС за 1987–1989 гг. об образовании и деятельности Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х гг., указ Президента СССР от 13 января 1990 г. «О реабилитации всех жертв политических репрессий 20–50-х годов», в котором были признаны незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам, репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в период 1920–50-х гг.; закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов», где ст. 2 напрямую причисляла к репрессированным народам «этнически сложившуюся культурно-этническую общность людей... казачество» [24, ст. 572] и т. д. Этими законодательными актами государство, по всей видимости, целенаправленно противопоставляло себе казачество, одновременно выдвигая идеи ре-

гиональной суверенизации [25, с. 75] – «берите суверенитетов столько, сколько сможете». С другой стороны, для некоторых деятелей казачьего движения источником стремления к суверенизации могли быть различные факторы, часто вполне меркантильные. В этой связи интересным представляется рассмотрение документов II Большого круга (съезда) Союза казаков, проходившего в начале ноября 1991 г. в Ставрополе. Так, согласно «Решениям» съезда, Союз казаков «в соответствии с Законом РСФСР “О реабилитации репрессированных народов”... объявлялся правопреемником незаконно упраздненных национально-государственных образований, наделялся правами на их имущественные права на всей территории республики... которые передаются Союзам казаков бесплатно...». Приватизационным комиссиям областей, городов, районов предписывалось «передать выявленное имущество правопреемникам – Союзам казаков до их приватизации...» [26]. Согласно тексту «Решений», проблема «суверенизации» предполагала решение не столько этнокультурных вопросов возрождения казачества, сколько возможность нового передела собственности.

Кроме того, идеи «реабилитации репрессированных народов», «восстановление исторической справедливости» и «осуждение политики расказачивания» разрушали в сознании казаков образ защитника и государственника, взамен закладывая образ «униженных и оскорбленных» государством, тем самым актуализируя «прогрессистские» черты в мышлении взамен «традиционалистским» [27, с. 332, 343]. Прогрессизм же проявлялся довольно часто в отказе от традиции в вопросе о власти. Веяниям прогрессизма были подвержены прежде всего «верхи» движения за возрождение казачества.

В связи с этим немаловажным является тот факт, что организатором и основным идеологом движения за возрождение казачества на первых его этапах стала интеллигенция, являвшаяся ядром политических сил, выступавших за либерально-демократические преобразования в СССР, для которой культурный и политический либерализм был возможностью реализовать себя, условием выживания. Лидеры казачества от интеллигенции, выступая в «лучших традициях отечественного либерализма» [28, с. 161], провозглашали идеи ограничения объема и сферы влияния государства на жизнь общества и индивида, декларируя необходимость формирования гражданского общества как противовеса государственному началу, региональной и этнической автономии в противовес централизму. Общий всплеск «политизированной этничности» [29, с. 362] вылился в требование государственно-политического и этнотерриториального

самоопределения или культурно-национальной автономии, а основными политико-идеологическими требованиями стали: осуждение политики расказачивания; утверждение, что казаки – это народ; восстановление системы традиционного казачьего самоуправления; развитие традиционных форм общинного землевладения и требование приостановки приватизационных процессов только в казачьих регионах; возрождение казачьих воинских частей, которые должны дислоцироваться только на территориях казачьих регионов, откуда пришли призывники, и т. д.

Курс на «автономизацию» регионов, предлагаемый региональной политической элитой, протекал, с одной стороны, в логике борьбы за власть центра с периферией, а с другой – в логике попытки локальных решений общегосударственных задач – «наведем порядок у себя, а потом поможем другим» или более радикально – «наш регион достаточно богат, и мы можем прожить самостоятельно, без всяких “союзов” и “интеграций”», и «пора сбросить с себя кусающихся соседей» [30, с. 175]. Данные положения находили отражение в обыденных политических представлениях как лидеров казачества, так и рядовых членов казачьих обществ.

Таким образом, стремление казачества к решению лишь региональных проблем, отказ от сотрудничества с «центром», тягу к «самостийности» нельзя рассматривать однозначно. С одной стороны, в этом проявлялось желание казачества в периоды общегосударственных кризисов навести порядок хотя бы в своем регионе, с другой стороны, немалую роль играло и чувство так называемой *особости*, толкавшее иногда казачество на неадекватные поступки. Непоследним фактором было и то, что тенденции к «самостийности» часто инициировались самими госструктурами и подхватывались как местными функционерами – нарождающейся региональной элитой, стремящейся за счет активизации политических требований казачества решить свои вопросы, связанные с претензиями на власть, так и лидерами казачества от интеллигенции, для которых обвинение и критика властей были частью «лучших традиций либерализма» и проистекали из «протестного» характера менталитета либерально-демократических слоев интеллигенции. Нельзя не учитывать и факт стремления некоторой части представителей движения за возрождение казачества к рассмотрению его как отдельного народа, имеющего право на восстановление «незаконно упраздненной государственности», вплоть до провозглашения Казачьей республики, «самостийной» и «незалежной». Однако идеи этнического и культурного возрождения нередко сводились лишь к претензиям на «имущественные права» бывших казачьих войск, что можно объ-

снить, скорее всего, приходом в казачье движение на определенном этапе его становления «маргинально-криминальных» элементов, для которых казачество было лишь орудием, способным повлиять на передел собственности. Кроме того, можно говорить о том, что «самостийность», как черта политической жизни современного российского казачества, должна рассматриваться с точки зрения характеристики стереотипов традиционного

мышления, понимания и поведения. При этом такие черты политической культуры казаков, как патриотизм, этатизм, общинность и др., ни в коей мере не противопоставляются «самостийности». Более того, стремление к автономии казачьих регионов часто являлось попыткой создания условий для сохранения традиционных норм культуры, не востребованных модернизационными процессами в стране.

Список литературы

1. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Краснодар: Краснодар. изв., 2007. Т. 1. 739 с., Т. 2. 996 с.; Потто В. А. Два века терского казачества: в 2 т. Владикавказ: Электротечная типография Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. 117 с.; Т. 2. 247 с.
2. Быкадоров И. Ф. История казачества. Прага, 1930. Кн. 1. 211 с.; Гордеев А. А. История казачества. М.: Вече, 2008. 672 с.; Сватиков С. Г. Вольные и служилые казачьи войска // Путь казачества. 1927. № 20–21. С. 113–114; Сватиков С. Г. Происхождение служилого казачества // Там же. № 22. С. 115.
3. Ермолин А. П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1982. 224 с.; Пронштейн А. П. Донское казачество эпохи феодализма в советской исторической литературе // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов н/Д, 1972. С. 23–37; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. 510 с.; Агафонов А. И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI–XX вв.: сб. статей / отв. ред. А. И. Козлов. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 19–29.
4. Скорик А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 508 с.; Трут В. П. Дорогой славы и утрат: Казачьи войска в период войн и революций. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 544 с.; Дулимов Е. И., Кислицын С. А. Государство и донское казачество. М.: Рос. акад. гос. службы, 2000. 271 с.; Венков А. В. Казаки – синеглазые волки. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 448 с.; Водолацкий В. П., Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры / под ред. проф. А. П. Скорика. Ростов н/Д: ООО «Терра», 2005. 448 с.; Перехов Я. А. Казачество и власть: поиск консенсуса (1920–1925 гг.) // Возрождение казачества: история и современность: мат-лы к V Всерос. (Междунар.) науч. конф.: сб. науч. статей / отв. ред. А. П. Скорик и др. Новочеркасск, 1994. С. 92–98.
5. Золотарев И. И., Иванова Г. И. Истоки казачьего самоуправления // Научно-практическая конференция «Возникновение казачества и становление казачьей культуры». 15–16 октября 1999 г.: тез. и доклады / под ред. В. П. Водолацкого, А. В. Венкова. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1999. С. 79–82.
6. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Издат. Дом «ИНФРА-М»: Изд-во «Весь мир», 2001. 304 с.
7. Гаджиев К. С. Базовые принципы и пути преобразования российской политической культуры // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М.: Изд-во Ин-та востоковедения, 1996. С. 128–145.
8. Кислицын С. А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1996. Ч. 1. С. 15–25.
9. Берлизов А. Е. Дорога чести: Избранные произведения. Краснодар: Сов. Кубань, 1995. 544 с.
10. Казачий словарь-справочник / сост. Г. В. Губарев, ред. изд. А. И. Скрылов. (Репринтное издание. Сан Ансельмо Калифорния, США, 1968). М.: ТО «Созидание», 1992. Т. 2. 341 с.
11. Зайцев А. А. Кубанская казачья Рада: в поисках третьего пути // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. / отв. ред. А. И. Козлов. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 124–126.
12. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 2. Дневник № 6.
13. Дулимов Е. И., Золотарев И. И. Самоуправление казаков: история и современность. Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 1998. 344 с.
14. Сборник Указов РСФСР. 1920. № 91.
15. Щетнев В. Е. Нэп и кубанское казачество // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. / под ред. А. И. Козлова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1995. С. 157–160.
16. Ленинов А. К. Под казачьим знаменем в 1943–1945 гг. // Кубанец (США). № 1. М., 1992. С. 21–54.
17. Хоперская Л., Харченко В. Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа // Возрождение казачества: надежды и опасения. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998. С. 87–103.
18. Виноградов В. Б. Кубанское казачество: некоторые черты феномена формирования и возрождения // Возрождение казачества (история, современность, перспективы): тез. докл., сообщ., выступл. на V Междунар. (Всерос.) науч. конф. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1995. С. 7–8.
19. Зотов В. Казачество – российский феномен // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 66–77.
20. Маркедонов С. М. Казачий сепаратизм и национализм (истоки и эволюция) // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 1996. Ч. 1. С. 62–66.
21. Венков А. В. Казаки государственные образования на Юге России в годы Гражданской войны // Там же. Ч. 2. С. 88–93.

22. Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после (Аналитические доклады РНИСиНП). М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН); РНИСиНП, 1998. 264 с.
23. Яковенко И. Г. Северорусская и южнорусская народности. Этнокультурные и политические аспекты // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 262–270.
24. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 18.
25. Котов В. И. Русский народ: демографическая ситуация в национальных автономных и административно-территориальных областях России (70–80-е годы) // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М.: ТОО «Анко», 1993. С. 70–83.
26. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р.-1843. Оп. 1. Д. 19. Л. 74–87.
27. Панарин А. С. Философия политики. М., 1996. 424 с.
28. Россия сегодня. Политический портрет. 1985–1990. М.: Междунар. отношения, 1991. 256 с.
29. Донские казаки в прошлом и настоящем / под ред. Ю. Г. Волкова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та «Гин Го», 1998. 504 с.
30. Дробишева Л. М. Демократизация и национализм в Российской Федерации 90-х годов // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 172–181.

Мациевский Г. О., кандидат исторических наук, доцент кафедры, начальник научно-исследовательского отдела.

Старооскольский филиал Воронежского государственного университета.

М-н Макаренко, 3 а, Старый Оскол, Белгородская область, Россия, 309516.

E-mail: matsievski2004@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26.11.2010.

G. O. Matsievsky

TRADITIONS OF “INDEPENDENCE” IN POLITICAL LIFE THE MODERN RUSSIAN COSSACKS

The article is devoted to features of political life of the modern Russian Cossacks and its such far ambiguous and inconsistent line as “independence”. The traditions of “independence” assuming state-political and ethnoterritorial self-determination of Cossacks or their cultural-national autonomy, got a display originality in political life of the modern Cossacks. Actualization of ideas of “independence” has been connected with features of social, cultural, political and economic space of the Russian state of end of the 20th century, the revival which predetermined specificity of the Cossacks.

Key words: *Cossacks, political life, Cossacks revival, the modern Russian Cossacks, independence.*

Stary Oskol branch of Voronezh State University.

M-n Makarenko, 3 A, Stary Oskol, Belgorod region, Russia, 309516.

E-mail: matsievski2004@mail.ru